

«ТЯТИНЫ СКАЗКИ»

В июле 2005 г. в д. Игнатовской (Кузино) Вилегодского р-на Архангельской обл. нам посчастливилось познакомиться с Аполлиной Михайловной Соловьевой, 1921 г.р., Полей Маленькой, как называют ее односельчане для различения с Полей Большой (женой старшего брата, тоже Аполлиной Михайловной Соловьевой). Аполлинария Михайловна оказалась не только очень приветливым и общительным человеком, но и замечательной рассказчицей. А когда выяснилось, что наша гостеприимная хозяйка еще и сказочница, нашей радости не было границ. Тем, что она помнит сказки, Аполлинария Михайловна очень гордилась и относилась к самому процессу рассказывания сказок с великим удовольствием. Более того, по ее мнению, рассказывание сказки не пустое, развлекательное занятие, а важное действие, которое требует подготовки и мастерства.

Сказки Аполлинария Михайловна переняла от своей матери, невестки и больше всего от своего отца («тяти») Михаила Васильевича Соловьева (1884 г.р.). Он «привез сказки из немецкого плена», куда попал, будучи солдатом Первой мировой войны. Пленники, выходцы из разных российских губерний, по предположению Аполлины Михайловны, могли рассказывать друг другу сказки, чтобы скоротать время. Такая «биография» сказок интересна в плане изучения их структурно-семантической и языковой организации: ведь, потеряв связь с обрядовым дискурсом и, следовательно, с магической прагматикой, пройдя сквозь «фильтр» пространства, времени и памяти, тексты тем не менее сохранили ключевые в народном понимании сюжетные линии и характерные языковые формулы. Некоторые сказки нам удалось записать дважды: исполнительница охотно рассказала нам сказки и на следующий день. При исполнении сказок Аполлины Михайловны важно было воспроизведение отдельных сюжетных линий и языковых формул. Сказочница не заботилась о сохранении логики повествования и выражении внутритекстовых связей: организация сказочного текста осуществлялась не столько относительно событий, кото-

рые происходили с главными героями, сколько посредством языковых формул, обязательных для данного типа текста, они же являлись и средством ритмической организации текста. Это хорошо прослеживается при сопоставлении разновременных записей.

В данной публикации представляем вниманию читателей три сказки из репертуара А.М. Соловьевой. Два текста, «О Василии Девкином сыне» и «О Димитрии-царевиче и Идолище», строятся на отрывках сюжета «Победитель змея» (СУС 300); имена героев — Василий и Дмитрий связывают эти тексты с лубочной сказкой о трех царствах. Третья сказка «О невесте-свинье», услышанная Полей Маленькой от Поли Большой, представляет собой оригинальную версию сюжета о чудесной жене (СУС 402А**)¹.

1. СКАЗКА О ВАСИЛИИ ДЕККИНОМ СЫНЕ

1а. Один мужичок, у его шибко много детей было — семеро. Он рыбку ловил. Попала ему щука, а на щуке на голове написано: «Хто, хто эту щуку-рыбу съест, тот родит сына». А у царя не было детей, ему надо было сына. Давай, унесу царю, дак нам хоть чего там, царь даром не возьмёт.

Принес эту шшуку. Оне с радостью взяли, а служанка — ведь служанка была у царя — эту шшучку, сердёчку там нажарила — это царица ела, а эта служанка головку ела да тут тожо всё поела тожо. А собакам — косточки, а там лошади, кобылы опеть там где чего — ополоски — тоже напились-наелись все, всех угостили!

И вот в одно время все забеременели. Девушка родила мальчика, и царица тоже мальчика. И эта девушка назвала парня Васильём, и всё звали Василий Девкин сын.

А собачки росли, и лошади-жеребцы росли, и вот и парни росли. И вот выросли.

Давай, поихали путешествовать — оне вмисте всё жили, как братья. И поехали путешествовать. По большой дороге ехали, ехали, ехали, близко ли далёко, по земле широко и доехали — дорога эк розвилистая — в ту сторону, и написаны афиши: «В эту сторону, в правую руку, поидите — сам будешь жив, а конь будёт мёртв». Ну, этот царёв сын говорит: «Я поеду по этой дороге». А во второй написано, в эту, в леву руку: «Конь будёт жив, а сам будёшь мёртв». — «А я, — говорит, — по этой», — говорит Василий Девкин сын, поехал по левой. «А если мы оба живы останемся, здесь друг друга будём дожидать, там долго ли коротко произдим, а будём дожидать».

И вот Василий подъезжает к городу. Весь город затянут трауром. А на окраине города домик стоит — одна старушка живёт. Попросился у этой старушки пережить, может, и с неделю ли, сколько, говорит. А у ей была стая... «Коня и кучера надо застать», — говорит. «А сам я, — говорит, — пойду прогуляюсь». — «А почему, бабушка, — говорит, — так город в трауре?» — «А вот, — говорит, — змей трехглавый требует у царя дочку на съеданье. Там, — говорит, — у реке, — говорит, — у моря построен ешефот, и должны эту девушку привести на ешефот и змею на съеданье, а нет — весь город затоплю водой».

Вот, он это у баушки-старушки поузнал, а сам по городу походил. А вечером наказывает: «Бабушка, ты, — говорит, — коня и кучера, — говорит, — храни, и пой, и корми, а я, — говорит, — ещё погуляю».

Вот приходит к этой девушке, там где эта девушка на ешефот приведена. С ёй порозговаривал. И подходит время. Море заволновалось. Вылазит трёхглавый Идолище. «О, какой, — говорит, — царюшко-государь добрый, одного просил на съеданье, а двух прислал! Теперь покушаю!» А Василий Девкин сын и говорит: «Съешь либо одним подавишься!» Чё, Василий зараз им справился, быстрёхонько все три головы сшиб, а был такой большушший камень, тушу и всё-всё-всё под этот камень завалил, этого змеиноного.

И сам ушёл к бабушке. И он проспал целые сутки. Она его будит: «Ой, чего ты там спишь!» А поди всё ходил, по реке-то издил Кузьма, ловил ершов, а это всё видел. Кроме его ниhto ничё не видел. «Это я, — говорит, — сделал, — хвастатся, штё — я убил».

Ладно, немного времени прошло. Шестиглавый Идолище объявляет эту... опять войной. «Выводи дочь на съеданье, нет — водой затоплю весь город». Опять девушку увёз. Вот эта опять старуха... Он старухе наказал: «Бабушка, — говорит, — ты корми, — говорит, — охраняй кучера, — говорит, — а я пойду прогуляюсь». Он опять победил этого змея. А сам пришёл да лёг, чё, уснул без памяти, эк усапался.

Ладно, там время... А ершеудик опять: «Ой, я вот это сделал». А всё эти, изрубил дак всё, головы там где-то сносил-свалил, руки-ноги — всё, этот камень поднял, всё под камень, всё завалил. Вот, а девушке-то опять показался, знает эта девушка парня, уж изучила, какой есть парень хороший.

Опять объявляет девятиглавый Идолище войной. «Приводи на ешефот девушку на съеданье, а нет — весь город затоплю!» — «Ну, — говорит — бабушка, — этот паренёк, Василий Девкин сын, — сегодня, — говорит, — не спи ночку, в такое-то время выпусти коня и кучера.

Коня и кучера, — говорит, — выпусти, а я, — говорит, — пойду прогуляюсь». Он приходит к девушке. Опять море забушевало, заволновалось — девятиглавый Идолище выходит. «О, — говорит, — добрый царь, двух, — говорит, — послал, я одного просил». Он говорит: «Подавишьсе, — говорит, — ни которым... сподавишьсе, ни одного не съешь!» Вот давай драться. Он ему сшиб три головы, а он ему порезал палец, по руке, на руке язва осталась, до крови довл. И вот... А коня-то она забыла выпустить-то. Конь-то отбил двери и кучер перегрыз цепь, и в то время прибежали, это конь и кучер, это собачка. Прибежали и Василию помогли. Он убил этого, всё равно победил этого змея.

И вот пришёл домой, спать лёг, коня на место поставил, лёг, проспал трое суток. А там... ершеудик... А царь-то говорит: кто победит, в живых царевну оставит, за того замуж выдам. А ершеудик: «Я победил!» Там вот ешо показывает, где там вот это завалено всё: «А после такой битвы я камень отвалить не могу, а тогда всё это я делал!»

У царя слово — закон, и свальбу собирают. Ой нет, я ещё пропустила — когда он победил, он к девушке-то пришёл, она ему колечко наложила на пальчик и ленточкой перевязала рану.

А он домой-то пришёл, уснул, трое суток спал. Бабушка-то стала его будить: «Ты что, добрый молодец, вон у нас какой ершеудик — царевну спас, свадьба собирается, чего ты, — говорит, — спишь? А ты, такой добрый, а не мог этого сделать!» — «Ладно, — говорит, — бабушка, чужому счастьем завидовать нечего!» Ну, потом встал и пошёл.

А оне уж... свадьба начинается, за столом, в избу заходят. Девушка-то не шла: «Это, — говорит, — папенька, не мой... это не спаситель!» Ак он: «И я не знаю, всё показывает, показывает, а камня-то не отвалил, не показал! Ну вот, что руки-ноги, голову — всё змеино!» И этот когда он собрался, Василий, и пришёл на свадьбу. Она как увидела, через стол перепрыгнула: «Вот, — говорит, — папенька, мой спаситель! Вот моя ленточка, вот моё кольцо!» Она с радостью, уж не знаю там как! Как и сказать? Ну ладно, тогда ершеудика наказывать не стали, а пошёл, этот камень отвалил, всему народу показал это, чего он делал. «Это мои руки делали, я, — говорит, — могу всё сделать!» И вот он забрал эту девушку.

Царь... недолго там жили: «Съезжу, — говорит, — съездим оба, — говорит, — заберём мать, приедем сюда и тогда свадьбу сделаем». Девушку забрал с собой, усилились на коня и поехали. И вот доехали до товой дороги до большой — выехали из росстани.

Он уснул крепким сном, конь ходит, а девушка сидит, караулит его.

Вот, и тот выезжает, тот, царёв-то сын. Увидел эку-то красавицу, не долго думая, взял да ему голову отрубил, а её пристрастил: «Если ты только, — говорит, — скажешь, — а коня-то у его нет, он пешком ушёл, — если ты только скажешь, я, — говорит, — и тебе голову, чтёбы ни звука! Поидем ко мне на родину».

Ну чё, куды деваться, поплакала да всё... куда? Поехала.

Вот домой приехали, а девушка плачет, чтё Василия нету, а куда жаловаться будёшь? И всё выходила да смотрела в ту сторонущу, куда она его отправляла. И девушка всё за ёй следила, и девушка ходила плакала. Ну они друг-то о друге ведь не знают, не сказывали, раз сказано — не сказывать, не говорить.

И вот знаешь штё. Ходил один человек тамоко, где он лежит, увидел: добрый молодец такой лежит, голова откачана. А тут этот орёл летал. А орлёнок-то маленькой на земле бродил. Взял орлёнка. «Вот, — говорит, — неси пузырёк мёртвой воды — этому орлу наказал, — и пузырёк живой воды!» Этому орлу сказал: «Неси, — говорит, — пузырёк мёртвой воды и живой воды!» Он принёс. «А то, — он говорит, — я у тебя орлёнка маленького убью!» Орёл принёс ему пузырёк мёртвой и пузырёк живой воды. Он взял, мёртвой водой sprыснул — голова приросла. Эту голову приложил к этому к Василию, голову sprыснул водой — голова приросла. Живой воды sprыснул — он ожил! «Ой, как я долго спал!» — «Да, добрый молодец, ты очень долго спал, у тебя и голова уж далёко откачана была, отрублена». Ну ладно.

Этого человека он поблагодарил, пошёл пешком домой. Пешим шёл и дошёл до дому. Домой уж пришёл, где евонна матушка. А уже свадьба, за столом эта девушка сидела, сваталась. Хотя и слезами умывалась, но говорить-то нельзя. И он заходит в избу. Она опять через стол перепрыгнула. «О, — говорит, — мой любимой!» Ну тогда чё. Всю правду тогда рассказала. Царь говорит: «Ну как его, сына, наказать?» А Василий Девкин сын (он и назывался Василий Девкин сын): «Наказывать никак не будем, только забираю мать и свою невесту и отправляемся в родное ёённо житьё».

И вот приехали, там мать забрал, девушку. Приехали, там свадьбу справили. Я тоже была там, пиво пили. И вот стали жить-поживать да добра наживать и сейчас живут. Вот такая сказка (ФА СыктГУ, 04123-2).

16. Жил-был царь. У его детей не было. Оне уж в возрасте не в маленьком стали.

А тут мужик рыбу ловил всё. У его было семеро детей. И он поймал шшу-

ку такую, написано на голове: «Кто эту шшуку съест, тот родит сына». Ой, принёс эту шшучку домой, ну чего, хозяйка и говорит: «У нас робят и так полно, кормить нечем, унеси-ко царю, ак он ведь заплотит нам».

Ну вот, он принёс царю. Принёс — царь обрадовался. А у его, у царя, служанка была (варила ведь не сама царица). Вот наварила там, приготовила уж полную эту, всё мякоть — серёдку, а сама головку поела, кости собаки ели, а где там ополоски чё, опять лошадь попила, всё! И вот оне забеременели все в одно времё. Собаки родили, кобылы родили жеребцов, и эта девушка-служанка, и царица сына родила. И вот оне росли как братья, эти — Василий (девушка назвала Васильём, дак звали его Василий Девкин сын), а тот — царёва — я уж не знаю, как звали. Царёв — тот пышный рос.

И вот оне подросли. Лошади росли, оне росли, и собачки-кучеры росли. И вот оне вздумали путешествовать ехать. Поехали по большой дороге, далёко-далёко ехали. Потом попадает дорога розвилистая — на праву сторону и на левую, и афиши написаны. Написано: «Если по той по левой дороге поидёшь, сам будёшь мёртв, а лошадь будет живая. А на праву сторону — лошадь будет мертва, а сам будёшь жив». И этот царёв сын на ту сторону поехал, где сам жив, а тот поехал... «Я, — говорит, — поеду этсель, только бы конь жив был, а со мной видно будет, чего там!» И решили оне: «Давай в этом мисте который выйдет, живые останемся, на этой росстане мы будем друг друга дожидать, а если долго, надоест дак, хоть чё-нибудь да пятно изладишь, штё проехал ли, прошёл».

И вот он, этот Василий Девкин сын, доезжает до города. Город весь в трауре. На краешке города стоит домичок небольшой. Он попросился (там жила одна старушка, пожилая женщина): «Пусти, — говорит, — меня, и вот коня надо застать, кучера застать. А почему, — говорит, — у вас город в трауре?» — «А вот, — говорит, — сыночек, у царя одна дочка, и то змей, трёхглавое Идолищо, просит, — говорит, — на съеданье её. А если не выставишь эту, дочку, то, — говорит, — весь город водой затоплю! Дак вот надо, из-за этого и траур навешан, в трауре город». — «Давай, ладно, бабушка, лошадь заставь, кучера заставь, а, бабушка, ты, — говорит, — поухаживай за има, а я пойду посмотрю, познакомлюся с городом».

И вот он пошёл, пошёл, где эта девушка привезёна на ешефоте. Ну, он с ёй порозговаривал, мало времё прошло, море заволновалось, вылезит трёхглавое Идолищо. «У, какой добрый господин, царь, одного просил, а двух послал!» А Василий говорит: «Ох, погано чудовище, ни одного не съешь, одним, — говорит, — подавишь-

ся. Двух не съешь — одним подавишься!» Ну ладно. А Василию это легко было справляться, он его живо... Дрались, но живо он его прикончил. А был большущий камень, этот камень отвалил, всё-всё сбросал, всё: туловищо, ноги-руки — всё под камень завалил — и голову.

Девушке сказался и сам ушёл к этой, домой. Лёг спать, целые сутки проспал.

А там по реке издил ершеудик, ёршей только ловил, в лодочке плавал. Он это всё видел. Ой, и хвататся — никто не объявляется, штё кто это спас царевну, — а только штё это он, себя выставляет, штё я. А он это всё видел, где, чего и как. Ну ладно, хорошо.

Там немного времё прошло, опять траур затегається, город весь в траур. Опять объявляет шестиглавое Идолищо: «Вывози дочку на съеданье, а нет — весь город водой затоплю, теперь уж капли не оставлю живого-сухого, весь залью водой!» Ну, ладно, хорошо.

Тот опять Василий наказывает своей старушке: «Корми и пой моего кучера и коня, а я пойду по городу погуляю, познакомлюся, чего такое там творится». Он опять пришёл к девушке на ешефот. «Ну вот, здравствуй, царевна, я пришёл — твой спаситель!» И мало времё проходит, им розговаривать некогда было, опять море забушевалось — шестиглавое Идолищо вылезит. Он быстро, на два раза, сшиб опять головы, опять под камень это всё завалил, все: туловищо, ноги, руки-ноги — всё, всё!

А ершеудик опять всё выглядывал, узнал. Ладно. Ершеудик раз спас царевну, царевна домой воротилась. А царевна больше его, паренка этого, не знает, Василья; спас, спас, а ушёл — не знает она его, хто и чего.

Пришёл, опять сутки целые проспал после такой битвы. А старушка говорит: «Ой, — говорит, — добрый молодец, чего ты спишь? Вон у нас какой ершеудик да — погано чудовище, шестиглаво Идолищо, погубил, в общем, спас царевну!» — «Ну чё сделаешь? Пускай», — говорит. Потом с города опять траур снялся.

Мало времё проходит — девятиглаво Идолищо объявляет войну: «Вывози царевну на съеданье!» Опять затенули город весь трауром. Вот. А царь тогда наказал этой старухе: «Ты, — говорит, — часов в двенадцать выпусти коня и выпусти кучера пусти, отопри, — говорит, — двор, штёбы, — говорит, — оне найдут меня сами, а я, — говорит, — пойду познакомлюся с городом». И опять ушёл, этот Василий Девкин сын. Вот.

Мало он с девушкой побыл на этой на ешефоте, море заволновалось — девятиглаво Идолищо выходит. «О-о, государь, добрый государь, двоих послал!» Он говорит: «Погано чудовище, одним подавишься!» Ну ладно, началась у их битва. А старуха-то проспала, коней-то не выпустила, коня-то не выпустила.

Конь и двери сшиб, вышиб сам, а сабака цепь перегрызла. Оне прибежали. Он ему руку ранил, это погано чудовище, пареньку, Василию, а он его... не на один раз сражался, он и победил его опять. Опять всё под камень завалил. Зашёл к девушке. Она ему перстень наложила свой на пальчик и перевязала рану ленточкой, своей ленточкой.

И вот он пришёл домой, коня опять заставил. А старуха всё проспала. И пришёл, улёгся, и он трое сутки спал.

А там уж чего? Ершеудик, дак надо скоряе свадьбу — он, вишь, обещал, царь-то: «Если кто спасёт царевну, мою дочку, за того замуж отдам!» А ершеудик объявился: «Её спас я!» И вот решил он, долго не мешкая, сразу свадьбу. Там уж три дня ли, четыре прошло — свадьба, свадьба начинается, собираются на свадьбу. И вот оне уже за столом молодые сидят. Она не может отца-то убедить-то, словом, ей не гленется, что ершеудик — не он, не он! А отец-то ведь не верит, верит тому. А больше никто не объявляется. И вот через слёзы, но пришлось ей быть евонной невестой. Ладно.

Вот этот просыпается Василий Девкин сын. А там уже свадьба идёт. Василий просыпается. Старуха и говорит: «Ай, добрый молодец, у царя-то дочка выходит замуж! Чего ты делаешь? Вон какой у нас ершеудик — спас девочку, замуж она выходит!» — «Чужому счастью я не завидую, бабушка. Ладно, давай я пойду погляжу».

Вот он зашёл, у его рука-то ленточкой-то завязана. О-ой, да как он зашёл, она как увидела, через стол прыгнула, тут все съедобные кушанья... «Ой, вот, паленька, мой спаситель!» Ну тогда чего сделаешь. «Тогда надо показать, где он, раз твой спаситель, где чего, где змеины отходы». А ершеудик-от ходил, казал: вот тут рука, тут нога — всё! Под камнем-то ведь не отваливал: «Я устал, не могу камень отвалить-то! Вот, всё я ведь, я делал дак, только не могу камень отвалить». А Василий-то говорит: «Давай, — говорит, — пойдёмте, я всё покажу!» Пришёл, как камень вальнул, дак там все туловища, ноги, руки-ноги — всё змеиноё! «Вот, — говорит, — чего!» А у девки-то веры-то уж не было, штё он это сделал. Тогда ну... Отец попросил пошенья, и давай невеста будет Васильева. Вот.

Он не делал свадьбу. Сперва забрал девушку. «Поидём, — говорит, — мать заберём и обратно приидем и тогда свадьбу сделам!» И поехали.

Ехали близко ли далёко, по земле широко, доехали до той росстани. Никаких признаков нет, что у того братика пройдено, и лёг он отдыхать. Коня отпустил погулять. А девушка сидит, караулит. Девушка довольна была, царевна, она полюбила: паренёк хороший. И вот он уснул.

Тот пешком идёт: конь-от погиб. Тот царёв сын идёт пешком. Ой, увидел эдакую роскрасавицу! А он спит. Он, долго не думая, слов не говорит, ему взял голову отрубил, этому Василию. Ой, тогда девушку пригрозил. Садится на коня, девушку тоже с собой на коня — поехали! «Ты только где скажи, тебе это же будёт! Ты — моя невеста, и я спас тебя! Там спас ли, не спас, а я нашёл, ты — моя!» Ну ладно. Всё равно поехали.

И вот она там долго ли, коротко жила. Она видела ту служанку. Она всё сына провожала, эта девушка, и смотрела в ту сторону. Тот-то приехал, царевич-то, а Василий у ей — нет! А спрашивать не спрашивает, где да чего, да как, ей же не положено: она же служанка, рабыня дак. И девушка ходила, откуда ехала, эта девушка-красавица, которая привезённая, в невесты уже готовится, собирают свадьбу. Нет, ещё не собирают, только оне так живут. Так, это она ещё как привезёна, дак не сразу свадьба.

А Василий этот с отрубленной головешкой лежит, знать не знает ничего. И шёл человек. Видит: орлёнок маленький ходит. Он его, орлёнка, поймал, а орлиха бьётся и бьётся, об детей беспокоится. Он тогда орлихе сказал: «Принеси, — говорит, — пузырёк мёртвой воды и пузырёк живой воды, тогда, — говорит, — я тебе орлёнка отдам!» Орлиха это достала, принесла, ему отдала. Он взял, голову прикатил, мёртвой водой плеснул — голова приросла, голова на месте стала. А орлёнка не опускаёт: ещё како будёт? Как это, правильно ли, нет делаться. Живой воды брызнул — проснулся. Проснулся этот Василий: «Ох, как я долго спал!» А ещё не успел озираться-оглядываться, где эка жона, где девушка, где и конь. Он говорит: «Добрый молодец, ты долго спал, у тебя и голова далеко откачёна». Ну, он всё понял, в чём дело. Ну, тогда поблагодарил этого человека и стал-отправился, пешком надо до дому-то идти.

Домой-то пришёл. У их свадьба! Девушка со женихом сидит. Он как в избу-то зашёл, она как увидела его, дак тут никаких преград ей, она опять через стол прыгнула да за его поймалась: «Вот мой, — говорит, — спаситель, вот мой, — говорит, — жених!»

Ну, царю всё рассказали. А царь и говорит: «Виноватой мой сын, как хотите, так и наказите его!» А Василей Девкин сын говорит: «Мы наказывать его не будём, только забираю я свою невесту, забираю мать, и мы идем в то государство, где родина моёй невесты!» И вот уехали. Свадьбу справили. Я там была, пиво пила на свадьбе-то. Дак пиво-то беда хорошоё, густое, дак по губам текло, а в рот не попало. Всё, сказке конец. Шука да елец — сказке конец! (ФА СыктГУ, 04107-2).

2. СКАЗКА О ДИМИТРИИ-ЦАРЕВИЧЕ И ИДОЛИЩЕ

2а. Утащил змеем трёхглавый, Идолище утащил родну мать у их. И он поихал розыскивать.

И вот в чисто поле приехал, увидел бел шатёр. Как, она ему, наверно, наказала, штё он в такое-то время взял, за реку мост большой, он спрятался под мост.

И вот идет это Идолище. Идёт он, а конь спотыкается. Идолище и говорит: «Чего ты, конь, спотыкаешься? Не Димитрия ли царевича боишьсе, сюда его и ворона в пузыре не занесёт». Он из-под моста выскакивает: «А вот, — говорит, — я и есть!» Вот это Димитрий-царевич.

Вот и начали драться. Дрались столько время. Он наказал чё-то матери, я не знаю, слова-то забыла, чтобы конь ведь был у его, да и кучер чёт — это собачка. Ну, дрались, и он его вбил в землю по колено, это Димитрия, а он уж ему голову отсек, этому змею.

«А чего, — говорит, — погано чудовище, после боя наши отцы делали?» — «Отдыхали». — «Ну, — говорит, — давай, и мы отдохнём». Конь прибежал, его вытащил, помог ему, Димитрию-царевичу справиться. Но он всё равно победил этого, а как там дальше, я забыла. Хорошая, интересная была сказочка. Это тятя рассказывал. В плену-то там чё делать (ФА СыктГУ, 04105-42).

2б. Я говорила вчерась. Рассказать? Ну давай. Потерели оне мать, а Димитрий-царевич поехал розыскивать. Поехал. И вот приехал в чисто полё — стоит бел шатёр. А там была его мать... этим змеем утащёна, и она была тут. Она ему рассказала, когда он приезжает и как. А за реку большой мост. И он сел под мост (он тоже был на коне). А коня-то оставил там у матери, там, на поле. И он сел под мост.

Вот едет трёхглавой Идолище. Конь спотыкается. «Фу, чего ты, конь, спотыкаешься? Не Димитрия ли царевича боишьсе? А его сюда и ворона в пузыре не занесёт!» А он из-под мосту выходит: «Вот погано чудовище, я вот тут и есть! Вот и давай драться-биться, чё наши отцы делали, как дрались!» Бились, бились. Он ему сразу голову ссек, а он его по колен в землю вбил, это Димитрия. «Погано чудовище, чего, — говорит, — после битвы наши отцы делали?» — «Отдыхали!» — «Ну вот давай и мы отдохнём!» Отдохнули. А у его конь там прибежал к этому Димитрию. Конь помог ему вытащить его из земли. Ну он победил. Много тут говорилось, я слова забыла... Прибавляйте сами, надо дак, а я больше не знаю! (ФА СыктГУ, 04106-28).

3. СКАЗКА О НЕВЕСТЕ-СВИНЬЕ

Девушка была у хозяина хорошая. И вот надо, пошла жать. А штё, они не знали, что есть эта девочка, девушка. Придётся жать — одевала свинью шкуру на себя, как поросёнок, свинья. Она, может, сама придумала, может, говорят. Вот давай, пришла жать, шкуру снимает и жнёт.

Шёл парень, увидел эту девушку, пошёл-познакомился, а шкуру-то увидел — хотел её сожогчи, эту убрать её. Она говорит: «Не убирай! Я, — говорит, — облокаю, нельзя убирать! Никуда не давай!» — «Ну иди, — говорит, — за меня замуж!» — «Тогда, — говорит, — свинью сватай замуж». Ну, у отца-то свинью и высватал. Ну не сразу. В сказках-то быстро говорится, а не скоро дело делается! Высватал свинью, сватанье сделали, за столом сидели, чё свинья с ими сидела. Ладно. А второй парень интересовался, тоже жених, интересовался, чего будет он как? И пошли ночевать — уж свадьба отошла, пошли ночевать в другую избу. А она ему сказала: «Ты, — говорит, — принеси бочку, большую бочку, большую-большую, ко дверям-то, — говорит, — поставь эту бочку, штёб она была безо дна, безо дна». Ну вот. А второй парень смотрел в окошко: чего она там зашла, шкуру сняла, а он — эка нарядна, эка хороша и-и пришла там. К парню на постельку легла, всё в порядке. А второй видел это всё в окошко.

И он пошёл свинью сватать. А она уж больше не одевала эту шкуру, замуж вышла — девушка стала. Ну ладно, хорошо. Свинью силой за стол поволокли, свинья ревет-визжит, всё со стола сгребёла. Всё увезла, кончилась вся свадьба у его, окончилась, ничё не собрал (ФА СыктГУ, 04106-23).

Примечания

¹ Волшебные сказки из репертуара А.М. Соловьевой послужили материалом для исследования: *Бунчук Т.Н.* Лингвостилистические особенности вычегодских сказок (по современным записям Сыктывкарского государственного университета) // *Культурное наследие Русского Севера: память и интерпретации: К 90-летию Сольвычегодского историко-художественного музея.* СПб., 2009. С. 31–47.

Сокращения

СУС — Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / Сост. Л.Г. Бараг и др. Л., 1979.

ФА СыктГУ — Фольклорный архив Сыктывкарского гос. ун-та, Вилегодское собрание.

Предисловие, публикация
и примечания

Т.Н. БУНЧУК, канд. филол. наук,
Е.А. ШЕВЧЕНКО, канд. филол. наук;
Сыктывкарский гос. ун-т

СКАЗКИ ИЗ РЕПЕРТУАРА АПОЛЛИНАРИИ МИХАЙЛОВНЫ СОЛОВЬЕВОЙ

В настоящей статье мы публикуем сказки (с повторными записями), записанные в 2005 г. от Аполлинаруи Михайловны Соловьевой, жительницы д. Игнатовской (Кузино) Вилегодского р-на Архангельской обл.¹

«Сказка о Димитрии-царевиче и Елене Прекрасной» соединяет ряд мотивов: основной — из сюжета «Царь-девица» (СУС 400), от него же и концовка, в текст также включены элементы сюжетов «Три царства» (СУС 301) и «Обманутые черти» (СУС 518). Все мотивы предстали в исполнении А.М. Соловьевой в некоторой переработке, что может свидетельствовать о книжном происхождении текста; однако сказка, по мнению К.Е. Кореповой, снова фольклоризировалась². Вторая и третья сказки относятся к сюжетам о хитрых и ловких людях: одна представляет собой соединение мотивов, характерных для сказок о шуте (СУС 1539); другая повествует о ловком воре (СУС 1525).

1. СКАЗКА О ДИМИТРИИ-ЦАРЕВИЧЕ И ЕЛЕНЕ ПРЕКРАСНОЙ

1а. Жил-был царь, у царя было три сына — Гаврил, Данил и Димитрий. Димитрий был младший. Вот. И узнали оне про Елену Прекрасную. Давай, за морем ли где за океаном есть Елена Прекрасная. Отправились да и Гаврил и Данил побывать у Елены Прекрасной. Отправились, там сколько время прошло, неизвестно. И Димитрий подрос, и он у отца попросился: «И я, — говорит, — поеду, поеду!»

Ну чего, приехал до огненной реки. Огненная река. Видит: два человека строят мост. Чё бы ни положат, всё сгорало. А тут два человека, видит, дерутся. К им подошёл. «Чё вы, — говорит, — ребята, спорите? Чего вам не хватает?» — «Да три вещи не можем поделить!» — «А какие вещи?» — «А вот шапка-невидимка, скатерточка-самосбранка и платок-брось-на-реку-сделается-мост, платок уберёшь — мосту нет!» — «Ну так давайте я розделю!» — «Так на, дели!» Взял шапку-невидимку, наложил на себя, от их немножко отошёл — мужика и не увидели. Ну вот, ещё стали драться. «Я говорил: не надо отдавать!» — это спорят между собой. «Вот, вишь, он всё и забрал!» Ну ладно.

Парень бросил на реку этот платок — сделался мост, стал, на коня сел и поехал.

Ехал близко ли, далёко, по земле широко, доезжает до медного дворца. Там девушка ходит, красавица молодая. «Здравствуй, Елена Прекрасная!» — «Я, — говорит, — не Елена Прекрасная, а служанка Елены. Три раза в год только хожу к ей». — «Ну так тогда меняй коня». Ну, та своего коня дала, а он: «Корми, — говорит, — моего. Давай, я поехал».

Ехал опять, ехал, близко ли, далёко, подъезжает — дворец стоит серебряной. Девушка ходит, убирает там около дворца. «Здравствуй, Елена Прекрасная!» — «Я, — говорит, — не Елена Прекрасная, а служанка Елены, в месяц три раза к ей хожу». — «Ну тогда меняй коня». Та коня поменяла. Опять едет на другом коне.

Ехал-попоехал, доезжает до золотого дворца. Ой! Девушка ещё моложе да красивее ходит. Вот уж это Елена Прекрасная! «Здравствуй, Елена Прекрасная!» — «Я, — говорит, — не Елена Прекрасная, а служанка Елены. На неделе три раза к ей хожу». — «Давай тогда меняй коня». Ну, та опять коня обменяла. «Моего, — говорит, — корми». Сел на коня и поехал.

Ой, видит издали — хрустальный дворец. Кровля дворца там из хрустала, видит, как она розложилась, спит-отдыхает на такой кровати. А в саду, там в огороде, в огороде, фонданы воды бьют — такое как серебряное всё! Ну ладно, хорошо. Он перескочил тогда, конь перескочил перед оградой, не задел ничего, ни одной струны. «Давай», — говорит. Тогда он зашёл во дворец к ней, налюбовался-накрасовался на неё, насмотрелся досыта. Обратно пошёл,

на коня сел, а конь ему говорит... нет, он ему сказал: «Задень хоть одну струну, перепрыгни, задень хоть одну струну — нешто Димитрий-царевич был?» — «Я, — говорит, — не могу ног отделить от земли». — «Пооди, — говорит, — выкупайся вон в серебряной воде». Сходил, окупался, тогда сел на коня. «Ну, — говорит, — хоть одну да струну задень — нешто Димитрий-царевич был?» Конь задел одну струну — всё зазвенело-забречало. Ой, Елена Прекрасная проснулась. В зеркало волшебю посмотрела, о, увидела его. И она заколдовала его на три года. (Это я не этим голосом говорю, теперь у меня, видишь, перехватывает, у меня голос хороший был.) На три года она его заколдовала: годами млад, телом слаб.

И вот он там уехал, через девушек коней обменивал и опять за реку переехал. Тех уж двоих, которы мост строят, тех не видал, а этот, те всё дерутся да спорят два человека. Ну, ему дела не до их, он лёг-уморился, лёг и уснул. Он заколдован, так только спит. Оне увидели его — бросили в реку. А чё, его по волнам качает, качает, он, как в зыбке, спит. Он спит — ему на реке ли, на воде ли, на земле ли — ему всё равно.

И вот донесло его до следующего государства. Люди увидели, его поймали и привели к царю. У царя была хорошая девушка одна, только молоденькая. Тогда он пожил у царя много ли мало, и решили с девушкой пожениться. «А только, — говорит, — я съезжу домой, отцу-матери скажуся, и мы с тобой повенчаемся, жонимся». Домой уехал.

Вдруг там... А ведь уж время-то много прошло. Посылает Елена Прекрасная, посылает письмо царю-батюшку: «Царь-батюшка, посылай виноватого сына». Ну, царь и говорит: «Гаврил, ты уж постарше, ты виноватой, поезжай к Елене Прекрасной». Ой, обрадел, поехал.

Тут безо всяких препятствий приехал к этой, а уж у ей двоини выросли, вон какие робята, два парня. «Ой, — говорят, — маменька, маменька, идет наш папенька!» — «Это, — говорит, — не ваш папенька, а ваш дяденька. Бежите к ему, сделайте ему спину-мягче брюха, да штёбы обратню заворачивал домой!» Чё, робята наколошматили, он заворотился домой. Приехал. А ведь не жалуется, не рассказывает, штё экоё.

Ну она опять пишет письмо: «Царь-батюшко, посылай виноватого сына!» Тот опять: «Ну, давай, Данил, ты, наверно, виноватой, поезжай!» Тот опять с радостью поехал. Опять подъезжает ко дворцу. «Маменька! — робята увидели. — Маменька, маменька, идет наш папенька!» — «Нет, — говорит, — то ваш дяденька. Бежите, ему наколошмятьте, мягче брюха сделайте спину-ту, да пускай заворачивает домой!» Робята опять ему наколотили, поворотился, только посмотрел — битый-набитый домой поехал. Приехал, опять ничё не жалуется.

Она опять пишет афишу ему: «Царь-батюшка, посылай виноватого сына!» — «Ну, — говорит, — Димитрий, на-

верно, ты виновен!» Тот собрался и поехал. Сел на волка, шкуру волчью выворотил, оболоч и идет на волке.

Вот, подъезжает ко дворцу. «Маменька, маменька, чёрт на дьяволе идёт!» Дак говорит: «То не чёрт на дьяволе, то идет ваш папенька. Бежите, — говорит, — сдерите с его шкуру-то, а волка в лес опустите, а шкуру сдерите, под мост бросьте да ведите его под руки сюда!» Вот дети его забрали, привели к этой Елене Прекрасной.

Он остался жить, а на той царевне, которой обещал жениться, на той сына женил, там отправил, свадьбу справили, где — в том государстве, а тот и рад был царь: у его парней не было. А сам остался жить с Еленой Прекрасной. Вот такая сказка была (ФА СыктГУ, 04106-27).

16. Жил-был царь, у его было три сына (это тятя рассказывал, может, вы знаете её, слышали?). Гаврил, Данил и Димитрий. Димитрий — младший, и они прослыхали, узнали, штё есть где-то за морём есть царевна прекрасная, Елена Прекрасная. Гаврил, Данил собрались к ёй. Ну ладно, хорошо. Сколько времё уж они там пробыли, они думали... и не приезжали.

А Димитрий подростал. И Димитрий собрался, и Димитрий поехал. Поехал чё. К реке к огненной приехал, увидел: три человека дерутся. А видит — в другой стороне опять два человека мост строят. Они чего ни кладут, всё сгорает, всё сгорает. Ну ладно, хорошо. Подошёл к тем робятам, парням, к трём мужикам: «Чего вы деритесь?» Два мужика: «Мы три вещи поделить не можем!» — «А какие у вас вещи?» — «А скатерть-самосбранка, шапка-невидимка и платок: брось на реку платок — сделается мост!» Два мужика. Ну ладно, хорошо. «Давайте я поделю вам». Оне отдали все три вещи. Шапку-невидимку наложил, сторонку их отошёл. «О, вот вишь, что вышло, я говорил, что давай вместе! Вот он утащил у нас все эти вещи!» Чего, пуще ещё начали драться. Ну, деритесь, сколько хотите. Он бросил на реку платочек — сделался мост. Сам переехал, стал поехал, уехал. Оне — деритесь сколько надо!

Ехал-попоехал, попадает в медный дворец. Там девушка ходит — такая красавица. Он говорит: «Здравствуй, Елена Прекрасная!» — «Я, — говорит, — не Елена Прекрасная, а служанка Елены. Я, — говорит, — только в год три раза к ёй езжу». — «Ну ладно. Тогда коня меняй!» Она ему коня своего отдала, он на ённого сел и опять поехал дальше.

Ехал, ехал-попоехал, попадает в серебряный дворец. Ну ладно. А девушка ещё красивей да моложе ходит. «Здравствуй, Елена Прекрасная!» — «Я, — говорит, — не Елена Прекрасная, а служанка Елены. Я, — говорит, — три раза в месяц хожу к ёй». — «Тогда меняй коня!» Она опять ему омменила коня. Он опять поехал.

Ехал-попоехал, там близко ли, далёко, по земле широко, попадает в дворец серебряный. А девушка ещё красивей ходит. «Здравствуй, Елена Прекрасная!» — «Я, — говорит, — не Елена Прекрасная, а служанка Елены». — «Тогда давай меняй коня!» Ну коня опять омменила, поехал дальше.

Ехал-попоехал, уж там заехал неизвестно куда — стоит хрустальный дворец весь в хрустальной оgrade. А там провода везде всё натянута к этому к дворцу от этих от оgrade, и он уже за оgrade... конь перепрыгнул за оgrade. Там в оgrade ходит. А фонданы бьют, как серебряна вода, ой, такая красота! Он там во дворец пришёл, с Еленой Прекрасной налюбовался, на её досыта нагляделся и обратно поехал. На коня сел: «Давай, — говорит, — мой ретивой, — говорит, — хоть одну струну задень: нешто был

Димитрий-царевич?» — «Ой, — говорит, — ты сперва сходи, — говорит, — омойся, там в воде окупайся, потом на меня садись!» Сходил, окупался и сел на коня. Одну струну задел, когда перепрыгнул конь. Всё зазвенело-забречало — ой, Прекрасная проснулась! Посмотрела в волшебное зерькало. Его заколдовала на три года — штё телом слаб, годами млад. Заколдовала его на три года.

А чего он ехал обратно. Приехал за ту опять огненную реку. Тех уж строителей не видно, а те два мужика всё дерутся. Он к ним не подходил. Лёг подальше отдыхать и уснул. Оне и увидели этого человека спящего. Увидели, взяли в реку бросили. А чего, его несёт, он как в зыбке качается. Несёт, а он спит. Чего, околдованной дак.

Занесло его во второе государство. Там поймали и привели к царю. А у царя была девушка молоденька. Сколько он там побыл там с его, и решили свадьбу делать. Он говорит: «Я, — говорит, — домой съезжу, к родителям, и мы с этой девушкой поженимся!» Ну ладно, хорошо. Поехал домой. Уехал.

Вдруг Елена Прекрасная посылает письмо царю: «Царь-батюшка, посылай виноватого сына!» Царь и говорит: «Ну, Гаврил (Гаврило постарше был), ты, наверно, виноватой!» Ой, поехал, с радостью поехал к Елене Прекрасной, тогда уж преград не было таких, огненной реки не было.

Приехал. Подъезжает к этому дворцу. А два сына у ей растут. «Маменька, маменька, идёт наш папенька!» — «То, — говорит, — не ваш папенька, а ваш дяденька, бежите-ко сделайте ему спину-то мягче брюха!» Ну вот. Сбегали робята, наколотили. Воротился домой, уехал. А ведь домой-то приехал, не говорит, не жалуется.

Опять она, Елена Прекрасная, пишёт афишу: «Царь-батюшка, посылай виноватого сына!» Он и говорит: «Данил, — говорит, — ты, наверно, виноватой!» Данила собирается с такой радостью, ой, ой! Давай, поехал.

Опять подъезжает к дворцу. Робята увидели: «Маменька, маменька, едет наш папенька!» — «Это не папенька ваш, а дяденька ваш, бежите ко ему, сделайте спину-ту мягче брюха, наколотите хорошенько его!» Вот отколотили робята ему. Он опять уехал. А ведь тоже не жалуется, домой-то приехал.

А та Елена Прекрасная опять пишет письмо: «Царь-батюшка, сказано — посылай виноватого сына!» — «Димитрий, поезжай ты!»

Димитрий на волка сел, волчью шкуру одел, вот и поехал. Подъезжает к дворцу. Там уж близко ли, далёко, по земле широко. Подъезжает к хрустальному дворцу. Робята увидели: «Маменька, маменька, чёрт на дьяволе идёт!» — «То, — говорит, — не чёрт на дьяволе, а ваш папенька идет! Бежите, — говорит, — волка в лес опустите, а шкуру с его сдерите, под крыльцо бросьте, а его под руки ведите домой!» Ну вот, привели, чего! Тогда решили. Одного сына женил того государства, свадьбу сделали с той девушкой, уже с той девушкой, с которой сам хотел жениться. А сам остался с Еленой Прекрасной. И свадьбу сделали. Я там была, пиво пила, да пиво-то беда хорошее, по губам текло, а в рот не попало (ФА СыктГУ, 04122-40).

2. СКАЗКА ОБ ОЛЕ-ПЛУТЕ

2а. Три брата было: Васька, Микола и Оля. Оля был младшой. Старши братья жонаты, и у их дети были, а у Оли ещё не было.

Стали они делиться (он тожо жонатой был). Стали делиться. А Оле тожо корова досталась, всё. Те вместе эти,

старши братья. Ну, а хлеба только мало, на стрепёнку только ржаной муки да ясной муки на стрепёнку. Приказал жене: «Стряпай давай, ржаной хлеб стряпню стряпай и ясны стряпай пироги!» Пироги да метни состряпала. Взял в котомку склал, унёс в лес, по сторонам розбросал. Ну а когда собирать их дошёл, сделал клюку да её росписал, сделал красивую, клюку из лесу деревянную, и пошёл мимо братьев. Оне у дома чё-то делают: «Ты, Оля, куда?» — «А куда пошёл, надо питаться, вы мне муки ничё не дали, дак вот пошёл, пойду вот в лес, — а котомка на плече, — пойду вот в мешок насобираю пирогов дак мягких да короваев, дак я, — говорит, — живу неделю-то, а потом опять пойду насобираю!» Ой, посмеялись: ну давай мы пойдём посмотрим, как ты будешь собирать. Он зайдёт, куда бросал, в ту сторону — мягкой, вторую — пирог, котомку насобирал, стал, домой пошёл. Оне говорят: «Оля, продай нам эту клюку». — «Ну чё ты, у меня последнюю кроху!» А оне настаивают: «Продай!» — «Ну, давай буде по сто рублей с брата». А оне труженики были, а тот хитрый был, Оля. И вот взели клюку.

«Чё, давай пойдём попробуем». Чё, пень да корень, клюку деревянную изломали у Оли. Потом приходят к ему в избу в дом: «Оля, ты нас обманул!» — «Ну чё, меня совсем оголодали, и клюку изломали, а теперь у меня нет больше, я больше нигде не куплю такую». Ну ладно, чего.

У его коровушка, у Оли, отелилась. Телёночка покормил и зарезал. Взял пузырь, из кожи сделал плётку, сплёл, а пузырь надул кровью. И там наказал жоне, жоне под пазухой пузырь с кровью привязал, а сам... братья придут там — свежина дак, нажарено да напарено в печке стоит. Приходят братья. Жоне приказывает: «Ну ка, давай собирай на стол! Вишь, робята пришли, дак их надо угостить!» — «Буду я тебе там собирать!» — она и заругалась. Он соскакивает, нож схватил, бабу ножом подсаднул, кровь побежала. «О-ой, Оля, чё наделал, баба пала! Чего наделал!» Берёт плётку: «Ах, плётка-живушка, живи, моя женушка! Плётка-живушка, живи, моя женушка!» Ой, соскочила, всё с себя стащила, всё забрала-подобрала, всё очистила, другое одела, на стол всего, чего было, всё на стол притащила. «Оля, продай нам эту плётку, продай эту плётку! У нас бабы не слушают — продай!» — «Она, может, ещё не будет слушать, не продам!» — «Оля, продай!» — «Ну, давай по сту рублей с брата». Ну ладно.

Пришли, ножи наточили. Бабы думают: чё ножи точат? Чё, баб зарезали. Плётку взяли, дули, били, били — бабы не ожили, зарезали дак.

Ну, теперь мы пойдём Олю топить! В мешок завязали и унесли на реку — утопим! А топора-то не взяли. «Ой!» — говорят. Микола убежал, а Васька остался с мешком с Олей на реке. Ждал-ждал, надоело ждать, и он убежал, убежал. Оба-то убежали.

Он в мешке-то: «Не судить, не рядиться, ладят в проруби топить, вот куда это тут Оле? Не умиют ни судить, ни рядиться — ладят в проруби топить!» А как раз судья ехал: «Дак чего тамока, я вот судья, дак всё разрежу и разрежу!» Взял мешок, развязал Олю и достался в мешок Оле. Оля его завязал, вот он сидит да там судит да редит, а он — пара коней была да роскрашенная кошёвка — сел, домой приехал, братья ему ведь не попали встрече.

Вот пришли братья, прорубь прорубили, этот мешок бросили, судью бросили в реку. Сиди — суди-ряди! Идут домой — теперь плут нас не обманет! Идут, а он нарочно в окошко смотрит. Васька и говорит: «Микола, мне манит ли чего, ведь — Оля!» — «Правда, Оля! Пойдём посмотрим».

— «Пойдём посмотрим!» Пришли: «Оля, да ты чё, откуда ты взялся? Мы ведь тебя утопили!» — «Вы чё, не чули, я как коней выбирал, приехал на паре коней, бура да каура, штё ли, вы не чули? Буру да кауру, там много, дак я только буру да кауру взял». Ну вот, сходили — правда, пара лошадей. «Пойдём, — говорит, — Микола, мы скочим. Пойдём и мы выберем коней!»

И всё, ушли, в прорубь скочили, утонули. Всё Олино осталось, всё. Такая сказка (ФА СыктГУ, 04105-43).

26. Жили-были три брата. Двое были раньше жонаты, у их были дети, а у Оли никого ещё не было, а тоже жонатый. И вот чё? Троице-то ведь уж мало места, да и стали делиться. Васька да Никола всё вмисти, а Олю, младшего, отделили. Ему досталось хлеба шибко мало, только на стрепёнку ясной муки да ржаной муки на стрепёнку. А корову дали и всё, чего было в хозяйстве, дали ему.

И вот он чё придумал. Приказал жоне: «Давай ржаной хлеб твори, состряпай мягкий, и из ясной пироги состряпай!» Она говорит: «Да куда что как?» — «Давай стряпай!» Состряпала. Всё склал в котомку, унёс, по сторонам розбросал. А сам клюку срубил, да обделал, да роскрасил. Вот пошёл.

А это уж пошёл мимо братьев. Клюку — на плечо, котомку — на плечи и пошёл! Оне в клетях делают чё-то, работящи мужики-те были. «Чего ты, Оля, куда?» — смеются над им. «Вы же мне хлеба-то не дали. Я пошёл хлеб добывать. Вот поглядите: у меня такая клюка есть. Я достаю: с той стороны — мягкой, да с другой — пирог дак вот котомку-то достаю на нидилю, я живу! Она у меня роботница!» — «Ой, Оля, да чё ты это?! Пойдём посмотрим мы!» — «Идите смотрите!» Пришёл, а знает, чёго куда розбрасывал; котомку доставал этого хлеба, полну котомку, завязал и пошёл. «Оля, ты продай нам эту клюку! Нам очень интересно, и мы бы станем доставать!» Вот уж им... «Не дам, вы мою кормилицу заберите, а я, чё, как жить-то буду? Вы мне хлеба-то ведь не дали!» — «Оля, продай!» — «Ну да уж шут с вами, давай по сту рублей с брата, дак продам!» Ну вот оне дали, дали по сту рублей с брата, двести рублей дали.

Ой, им не терпится. Утром стали, пошли, тоже взели мешок, взели эту клюку, чё. В сучье заложили на первом пне — клюку изломали. Тьфу! Этот Васька и говорит: «Никола, ведь он нас обманул, обманул!»

А у Оли отелилась коровушка. Телёночка уж выкормил, надо резать. Тогда всё из-под коров резали, телят, не кормили их год. Зарезал телёночка, из шкуры сплёл плётку, а пузырь надул кровью, налил. И вот жена села... А чё, зарезали, ак свежины в печке всего нажарено, мяса и всего. «Давай, братья придут, угощать будем!» Она села прести, пузырь под пазуху привязал с кровью жене. Вот приходят братья. «Давай-ко, жена, собирай на стол! Братья пришли в гости, дак собирай!» — «Ой, надо, дак собирай сам, буду я ещё и их кормить да собирать», — заругалась. Ах, ни слова ни ричи, соскакивает, нож схватил — бабе хресь! Баба пала, кровью вся облилась по полу. Вот эту плётку снимает. Оне: «Ой, Оля, ты чё из-за нас наделал! Ой, ой, ой!» — «Ничего, сейчас соскочит! Всё в порядке будет!» Вот плётку снимает, по бабе — раз! «Плётка-живушка, живи, моя женушка! Плётка-живушка, живи, моя женушка!» Женушка соскочила. Всё очистила, всё с себя сняла, чистое одела, на стол скатерть постлала, всего на-тащила, тут чего в пече было, хлеба нарезала, всё! «Давай угощайтесь!» — «Оля, ты продай нам эту плётку!» — «Не

продам, она, может, ещё, она ведь... вдруг не поправишь её, давай!» — «Нет, Оля, продай!» — «Ну дак давайте по сту рублей с брата!» Она опять давали. Вот тебе раз!

Чего, пришли, ножи точат. Жёны и думают: «Чего оне ножи натачивают?» Вот и заставляют такое сделать, штёбы им уж никак не сделать. Ой, оба схватили ножи — баб зарезали! С неё (?) взяли плётку, дули-били, били, били, били! Жёны умерли, дак чё! Схоронили жён. «Ох, Оля, ты нас обманул опеть! Мы тебя теперь утопим!» — «Ак ведь чё, вы сами захотели, дак я ведь вам не навалил!»

Взяли в мешок завязали его и понесли на реку топить. А топора-то не взяли. От, постояли, Микола Ваське говорит: «Васька, бежи давай за топором, я побуду с им». Он убежал, да долго его нет. А Микола постоял, постоял — ему надоело, и он побежал. А Олю оставили в мешке. Вот он и ревет в мешке-то: «Не судить, не рядить — ладят в прорубе топить! Не судить, не рядить — ладят в прорубе топить!»

Ехал в то время как раз судья. И кошевая росписана красиво да на паре коней ехал. Вот, судья остановился. «Да штё такое, я же судья, россужу-розрежу!» Давай, мешок розвезал, Олю выпустил, а сам в мешок залез. Оля мешок завязал, на коней сел, поехал, уехал. Братьям-то встречу-то не попал, проехал до дому-ту. Коней в кошёвке поставил в сарай и сам смотрит в окошко.

А братья с топором прибежали, прорубь россекли, мешок — в воду, судью утопили — суди да ряди! Домой идут, а он выпелился в окошко, смотрит. Братья идут, Микола и говорит: «Васька, никак Оля! Чего, мне манит ли, чего ли Оля?» Оба смотрят — Оля, Оля! «Ну, пойдём посмотрим». Ну пришли: «Оля, да мы же тебя утопили!» — «Ой, да разве меня вам утопить?! Вы когда бросили, я, — говорит, — там коней выбирал, буру да ковуру, буру да ковуру. Там много шибко коней, ак мне понравилась бура да ковура. А ишь вот на паре приехал, росписанная кошёвка!» Ой, сходили, посмотрели — правда, так и есть! Васька Миколу говорит: «Давай, Микола, и мы пойдём скочим в эту полонью, ак там выберем коней!» Чего, ушли, скочили — всё и осталось Олино: жён нет, только робята. Всё — Олино хозяйство, всё Олино осталось! А тех — всё покончено! Ну вот всё! (ФА СыктГУ, 04106-29).

3. СКАЗКА О ЛОВКОМ ВОРЕ

Слыхали сказку, как отец сына воровать учил? Так научил! «Давай, — говорит, — сынок, пойдём. Вон, видишь, стоит дерево, там, — говорит, — птичка сидит на яйцах. А я, — говорит, — вылезу, возьму яйца, и она не слыхает». Он пока залез, яйца-то взял, слез — «Вот, видишь, она сидит и не слыхала! Я, — говорит, — у ёй украл яичко-то! и всё в порядке!» А отец [сын?] говорит: «А ты взгляни-ко на свой сапог, — говорит. — Посмотри-ко!» — говорит. Он сумел в тот момент по-из-под подмётки подкладку взять от сапога, у отца, когда он яйца брал. Тогда он его обнял, поцеловал: «Ну, — говорит, — ты меня превозвошёл, отправляйся, куда тебе надо». И он пошёл, и где чего ему надо — так он невпроход воровал.

В одно селенье пришёл. У купца была девушка очень хорошая. Эта девушка ему понравилась, он всё заглядывал на её. И стал от его всё воровать: то украдёт, другое украдёт, ну вот. А он не знает, кто вор, как поймать.

Взял да насыпал монеток на дорогу — кто за этой монеткой (а по обе стороны поставил стражу) кто наклонится, тот и вор, кто монетку наклонится, возьмет, тот и вор. А

он заделался кирпичником, фартук наложил — этот парень — глину таскаёт, воду таскаёт, а там под сапог подклею, все эти денежки собрал, все монетки собрал, а стража никого не видала — монеток не стало. Эту стражу, кто караулил, тому дали... купец наказал их. Ну ладно.

А всё ворует, всё тереётся. Давай, сделал мешочек, монеток насыпал золотых — и мешок на дорогу. «Хто этот мешок возьмёт, тот и вор!» А он это опять вор узнал. Взял высушил костюм — одна сторона чёрная, вторая — светлая. И так же шапку — одна белая, светлая сторона у шапки, а вторая — чёрная. А взял серого коня. В одну сторону, на котором боку светлый костюм, дак намазал сажей коню, штё вороной конь, а на котором белой — этой серой конь — опять чёрной костюм. Ехал — на ходу этот мешочек схватил, наскать уехал. Стража по обе стороны караулили, по обе стороны эти были, стражи, караульщики. «Вот, такой-то всадник на вороном коне в белом костюме ехал!» А вторые опеть: «На сером коне в чёрном костюме ехал!» Спорят. «Вы, наверное, так согласились — украли сами!» Это купец говорит. Ну ладно. Больше он уж не знает.

А там другой купец, неподалеку с им жил, они с им гуляли и празднечели. А тот хвастается: «У меня ничего не тереется!» И вот он сделал задачу. Эсли от того купца хоть вещь какую ко мне принесёт вор, я дочь отдам за вора.

Ой, он опять это всё узнал. Взял толуп, выворотил кверху шерстью, напривязывал воркунцов (а тогда ведь свету такого не было; хоть и купцы, богато жили, а всё равно) — и сам сделал, такую маску сделал, сделал рога наложил и под кровать спрятался. А когда темно-то стало, выкатился середь полу и закатался, а воркунцы бречат-стучат — да эко-то наказанье! А у их детей-то не было, у купца у того. «Давай, — говорит (а сундук-то большущой), — давай залезем в сундук, спречемся от этого, от чёрта!» В сундук-от залезли.

А ему то и надо. Ой, соскочил, сундук верёвкой перевязал и этот сундук взвалил на себя, унёс тому купцу, поставил на крыльцо. А там шелочку оставил, штёбы оне не задохлися.

Утром купец выходит на крылечко — ой! А он узнал сундук-от. Надо же, сундук стоит от того купца! Взял, посмотрел, открыл сундук-от — и сам купец с купчихой тут сидят в этом сундуке. Ну, тогда пришлось... этот вор объявился, и отдал этот купец девушку за его замуж, и свадьбу справил — уж богатая свадьба была. Я тоже была там, очень хорошо было. И стали жить. И всё (ФА СыктГУ, 04106-3).

Примечания

¹ См. также публикацию сказок из репертуара А.М. Соловьевой в: ЖС. 2011. № 2. С. 11–15.

² Устное сообщение К.Е. Кореповой. Выражаем глубокую благодарность К.Е. Кореповой за ценные консультации и соображения, высказанные при знакомстве с текстами данных сказок.

Сокращения

СУС — Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка. Л., 1979.

ФА СыктГУ — Фольклорный архив Сыктывкарского гос. ун-та, Вилегодское собрание.

Т.Н. БУНЧУК, канд. филол. наук,
Е.А. ШЕВЧЕНКО, канд. филол. наук;
Сыктывкарский гос. ун-т

Публикация